

УДК 130.2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ ГУМАНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР ВОСТОКА И ЗАПАДА

Швачкина Людмила Александровна

Доктор философских наук, профессор,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты, Россия,
e-mail: Shvachkina@mail.ru

HISTORICAL TYPES OF HUMANITY IN THE CONTEXT OF EASTERN AND WESTERN CULTURES

Lydmila A. Shvachkina

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Institute of Entrepreneurship
and Service sector (branch),
Don State Technical
University, Shakhty, Russia,
e-mail: Shvachkina@mail.ru

В контексте компаративистского подхода автор анализирует формы проявления гуманности в различные исторические периоды и в различных культурных традициях, позволяющий сделать вывод о том, что гуманность является «культурной универсалией», а следовательно, неотъемлемой частью человеческой культуры на протяжении всего ее существования. В процессе развития культур автор выделяет три исторических типа гуманности: общинно-ориентированная, свойственная религиозным нехристианским культурам, где главным является следование традиции, ориентация на социум, внеличностным целям; лично ориентированная христианская гуманность, где человеколюбие в формах переживания и поступка обращено к личности и базируется на вере в Христа и связи с Богом как основе любви к ближнему и светской «постхристианской» гуманности, лишенной идеи богочеловека, но стремящейся следовать аксиологическим ориентирам христианства в секуляризованном варианте.

In the context of the comparative approach, the author analyzes the forms of humanity in different historical periods and in different cultural traditions, that allows to conclude that humanity is a "cultural universal" and, therefore, an integral part of human culture throughout its existence. In the development of crops the author identifies three historical types of humanity: community-based; non-Christian religious cultures peculiar, where the main thing is to follow the tradition, focus on society, impersonal goals; personality-oriented Christian humanity, where humanity in the form of experience and action addressed to the individual and is based on faith in Christ, and connection with God as the basis of love to neighbor and secular «post-Christian» humanity devoid of God-man ideas, but tends to follow the axiological landmarks of Christianity secularized version.

Ключевые слова: гуманность, нравственность, культурная традиция, культурная практика, Запад, Восток, конфуцианство, буддизм, индуизм, ислам, христианство, гуманизм, светская гуманность, психотерапия, социальная работа.

Keywords: humanity, morality, cultural tradition, cultural practice, West, East, Confucianism, Buddhism, Hinduism, Islam, Christianity, humanism, secular humanism, psychotherapy, social work.

Введение

Неоднозначность современной социокультурной ситуации на сегодняшний день состоит в том, что, по мнению многих аналитиков, наибольшую угрозу для человечества представляет экономический кризис, в то время как в действительности главная угроза, стоящая перед человечеством в глобальном масштабе, – утрата нравственных ориентиров. Наиболее ярко «выпадение» современного человека из морально-нравственного контекста проявляется в том, что для большинства людей представления о добре, зле, справедливости, милосердии и гуманности вытеснены соображениями экономической целесообразности, которая рассматривается как главное мерило оценки их поведения. В соответствии с этим «такие понятия, как любовь, дружба, сострадание, честь и т.д., стали рассматриваться через призму товарно-денежных отношений... Ценности сегодняшней культуры пропагандируют поклонение силе, наживе, одобряют агрессивность, враждебность» [1, с. 135]. Лейтмотивом современной западной и постсоветской российской культуры является неолиберальная идеология, являющаяся, на наш взгляд, современной формой ницшеанства, поскольку ее ценностная парадигма – легитимизация права сильных и успешных, которые лишены каких бы то ни было нравственных обязательств по отношению к слабым и незащищенным. Сегодня весьма востребованным оказался ницшеанский морально-этический призыв «падающего еще подтолкни!» [2].

Во многом благодаря этому весьма актуальным как в теоретическом, так и в практическом аспектах является обращение к проблеме гуманности как альтернативе ценностным установкам и формам человеческого поведения, ввергающим человечество в тотальную войну «всех против всех». Именно гуманность как универсальная черта человеческого сознания и поведения в культуре Востока и Запада на протяжении всей истории развития цивилизованного человечества являлась тем необходимым условием, которое обеспечивало успешность жизнедеятельности подлинного человеческого общежития, выступая

важным фактором стабилизации и гармонизации человеческих отношений в самых разных социокультурных условиях.

Взятая вне культурных контекстов, гуманность всегда выражается в личных отношениях между людьми, реализуясь как деятельное сострадание, бескорыстное благоволение, помощь и поддержка, жалость по отношению как к близким людям, так и людям совсем чужим.

Одновременно с этим гуманность есть выражение и свидетельство определенного цивилизационно-исторического опыта. По характеру осознанной мотивации она всегда зависит от мировоззрения типичного для данной культуры, ее традиций и облечена в формы присутствующих ей культурных практик.

Понятие «гуманность» достаточно широкое, так как вмещает в себя и религиозные, и светские представления, свойственные различным типам культур. Но изначально гуманность как культурная норма формировалась в системе религиозного сознания. Становление практики гуманности, милосердия и сострадания в обществе связано с постепенным историческим формированием ценности самого человека, а ценность личности складывается в рамках религии как феномена культуры, представляющего глубинные экзистенциально-онтологические тенденции.

На наш взгляд, в процессе рассмотрения исторических типов гуманности в контексте культур целесообразно выделить три исторических *типа гуманности*, реализованных в истории:

- общинно-ориентированная, свойственная религиозным нехристианским культурам;
- лично ориентированная христианская гуманность;
- светская «постхристианская» гуманность.

Гуманность в контексте общинно-ориентированных религиозных нехристианских культур

Специфику гуманности в индубудийской культурной традиции, в культуре Древнего Китая и арабо-мусульманской культуре можно отнести к первому типу – общинно-ориентированному [3].

Место и роль гуманности в древнеиндусской культурной традиции определяются необходимостью закрепления и поддержания сложившейся кастовой дифференциации общества. Традиционная индуистская нравственность – это всецело нравственность *целых* социальных общностей. Безусловно, милосердие занимает большое место в социокультурных практиках древнеиндийского общества. Однако оно не свидетельствует о росте морального сознания, а выступает как *уни-*

версальная ритуализированная практика. Фактически это система обрядов, которая *самим своим наличным состоянием, течением* обеспечивает социальную целостность, преемственность и стабильность.

В контексте буддизма и джайнизма, признавая принципы ненасилия и почитания всего живого, гуманность выступает скрепой традиционного социального мироустройства, воплощая созерцательное отношение к природному и коммуникативному окружению и отвергая индивидуальную активность человека. Гуманность в культуре буддизма и джайнизма далека от идеи свободной и сознательной личности как духовного центра любви и милосердия.

Что касается конфуцианской культуры Древнего Китая, то она являет собой яркое подтверждение классически фундаментального принципа восточной цивилизационной традиции, связанного с особой социальной ролью этических воззрений, в том числе милосердия и гуманности, – *субстанциализм*. Гуманность как идеал и как практика проявляется здесь в давлении традиции над человеком. Она не выделена как область личной и свободной рефлексивной убежденности в необходимости совершения добра. Добро трактуется как производное качество существующей вертикальной структуры общества. В основе конфуцианской гуманности лежит не свободное, самосознательное убеждение в необходимости делать добро, а влияние авторитета семьи, старших, государства, императора, делающее человека человеколюбивым «благородным мужем».

Гуманность даосизма можно обозначить как аннигилирующий субстанциализм, т. е. как утверждение невозможности утвердить что-либо *не во вред* общей мировой гармонии и порядку. Она связана с утверждением абсолютного Ничто. Даосизм не призывает к милосердию, трактует гуманность как естественность и недеяние, связывает ее с утверждением свободы от всего, а не с суетной заботой о человеке.

В следующей восточной культуре – исламе – гуманность и милосердие как проявление любви, образец которой задает сам Аллах, реализует ярко выраженную *социализирующую и интегрирующую функцию* [4]. Быть правоверным – это и значит быть гуманным, милостивым, но в том же самом отношении это означает быть *приобщенным* к определенной социальной структуре, к определенной иерархии ценностей. В исламе проявления гуманности, важнейшим из которых является раздача милостыни, становятся личностно-окрашенными, индивидуализированными, поскольку наряду с «обязательной милостыней», которая является не нравственным выбором мусульманина, а его рели-

гиозным долгом» существует добровольная милостыня, которая индивидуально мотивирована.

Однако следует оговориться, что мусульманская гуманность на философском и социальном уровнях стремится инкорпорировать объект своей помощи и милостивого отношения. Человек, оказавшийся в поле практической реализации милосердия со стороны мусульманина, рассматривается последним как потенциальный будущий приверженец исламской доктрины и соответствующих социальных практик.

Личностно ориентированная христианская гуманность

Что касается личностно ориентированной христианской гуманности, то христианство в своей иудейской предпосылке вплотную приблизилось к собственно всеобщей форме культурного универсализма, но вместе с тем в ней универсальное было проинтерпретировано как богоизбранное, как национальное (этот же момент присущ и исламу). Личностно ориентированное мировоззрение христианства базируется на идее омоусианства (всеединства, консубстанции), которая принадлежит «философии личности и творческого подвига, т. е. философии духовной» (П.А. Флоренский) [5].

«Христианскому» иудаизму свойственно неприятие униженности, нищеты, несправедливости и т. д. Но если в других культурах такое неприятие вызывает желание помочь, то здесь речь идет о борьбе за справедливость, носящей богоборческое начало. Собственно гуманность здесь оказывается скорее средством, нежели целью. Кроме того, в иудо-христианском историософском сознании проблема гуманности наталкивается на такой краеугольный аспект религиозной картины мира, как ревнивость и жестокость самого Бога (Яхве), что делает гуманность в этой культурной традиции не претендующей на универсальное для Запада значение.

Только в Древней Греции, а в последующем – в христианстве объект помощи и сострадания становится *субъектом*. Человек как субъект гуманности может как получать, так и давать помощь и сострадание в силу того, что он обладает личностным статусом, свободой и независимостью, определенной дистанцией в отношении общества, которая позволяет ему быть самостоятельным и видеть гуманность не только в помощи и сочувствии другим, но и в собственном самосовершенствовании.

В христианской культуре абсолютным образом закрепляется *личностная* форма социального бытия: человеческая свобода получает определенность и достоверность не просто как случайное действие, а

как выбор и определение уникальности *моей* свободы через опосредствование в трансцендентном и абсолютном. Поэтому проблема гуманности принимает здесь собственную форму как позиция *отношения одной свободной и самосознательной личности по отношению к другой такой же*. Христианская гуманность основана именно на закреплении абсолютной ценности личности, тогда как социальные структуры, государство и т. д., т. е. все то, что было присуще общинно-ориентированным религиозным нехристианским культурам, уходят на второй план.

Значительное позже христианские философы и культурологи XX в., развивая культурную христианскую традицию, активно обсуждали целый ряд тем, непосредственно связанных с идеей и практикой гуманности. Они выделяли в качестве актуальных следующие аспекты: необходимость прощения (К. Льюис) [6]; моральная ответственность и необходимость жить для других, сострадать им (Д. Бонхёффер) [7]; благоговение перед жизнью и воля к жизни (А. Швейцер) [8]; основание гуманности в интимной (сердечной) близости человека и Бога (Б.П. Вышеславцев) [9]. В целом для эволюции взглядов философов и культурологов характерны в вопросах гуманности отказ от спекулятивных метафизических построений и обращение к практике коммуникации.

Светская «постхристианская» гуманность

Исторической предпосылкой светской идеи и практики «постхристианской» гуманности является европейская духовная культура. Гуманизм, возникший в эпоху Ренессанса как определенное систематизированное мировоззрение, был прежде всего отражением процессов секуляризации самой культуры. Его важнейший признак – *конструктивизм*. Действительно, под лозунгами гуманизма прошли все крупнейшие социальные потрясения Нового времени. Поэтому гуманизм и гуманность не тождественны. Гуманность не ставит своей целью переделать человека и мир. Благожелательность и стремление помочь другому ни в коем случае нельзя редуцировать и приравнять к стремлению *исправить* существующий порядок вещей. Гуманность всегда *диалогична*, тогда как гуманизм скорее моноцентричен и *монологичен*. В Новейшее время «постхристианская» светская гуманность, лишенная Бога, хотя и руководствуется ценностями милосердия, нередко ставит под удар сами основания гуманного поведения. Например, в лице Ф. Ницше мы видим обоснование антигуманности и призыв к «любви к дальнему», что предполагает пренебрежение ближним,

презрение к его слабости и страданию. У Ж.-П. Сартра критерием гуманности становится сам человек, действующий без ограничений, на свой страх и риск и оценивающий свое поведение согласно собственному «я» [10]. Очевидно, что развитие идей светской гуманности в современной культуре в условиях сознательного неприятия христианских ценностей приводит к парадоксальному результату – невозможности обнаружить гарантию реализации принципов человеколюбия. Антропоцентризм, отвергающий Бога, вырождается в свою противоположность – принятие и даже санкционирование антигуманности.

Сегодня, в условиях десакрализации культуры и общества, утратившего религиозное милосердие, определенную компенсационную роль в деле практической гуманности играют современная *социальная работа* [11] и *психотерапия* [12, 13]. Они обладают моментом универсальности, поскольку могут быть обращены ко всем и к любому, к каждому человеку как нуждающейся в помощи личности без различия по национальному, конфессиональному или какому-либо иному признаку, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. При этом христианская идея личности, свободы и ответственности переносится в своем светском варианте на социальную работу и психотерапию. Современная социальная работа направлена на воспроизводство человеческой состоятельности и обеспечение достойной жизни для каждого. Психотерапия же обращается к свободе воли пациента и его ответственности за свою судьбу, обрести которую помогает психотерапевт. Естественно, эти светские гуманистические практики являются дополнением к гуманистической деятельности государства и общества – экономической, политической, правовой, здравоохранительной, национальной, духовной и др.

Заключение

Итак, достаточно рельефное рассмотрение корреляции особенностей той или иной формы гуманности со спецификой культурной традиции и широкого спектра проявлений гуманности в различные исторические периоды и в различных культурных традициях Востока и Запада, в контексте которой данная особенная форма гуманности возникла, позволяет сделать вывод, что гуманность на протяжении всего периода развития истории человеческой цивилизации являлась «культурной универсалией» и неотъемлемой частью человеческой культуры. Гуманность эволюционировала от экстравертных форм ее проявления, характерных для Древнего Востока, к интровертной, свойственной христианству, где проявления гуманности стали носить не риту-

альный, предписанный традицией характер, а являли собой выражение личностного отношения христианской любви к ближнему.

Исходя из этого, в культуре Востока и Запада можно выделить три исторических *типа гуманности*: общинно-ориентированная, свойственная религиозным нехристианским культурам, где главным является следование традиции, ориентация на социум, внеличностным целям; лично ориентированная христианская гуманность, где человеколюбие в формах переживания и поступка обращено к личности и базируется на вере в Христа и связи с Богом как основе любви к ближнему, и светская «постхристианская» гуманность, лишенная идеи богочеловека, но стремящаяся следовать аксиологическим ориентирам христианства в секуляризованном варианте.

Таким образом, и в современной культуре гуманность может и должна стать не декларируемой, а эмпирически реализуемой ценностью, способной привести человечество, вне зависимости от цивилизационной принадлежности, к духовности и нравственности, поскольку она – та универсальная черта человеческого сознания и поведения, без которой исторически не существовало подлинного человеческого бытия.

Литература

1. Швачкина Л.А., Положенкова Е.Ю., Игошева М.А. Ценностные изменения социокультурного пространства России в контексте процессов модернизации и глобализации // Гуманитарий Юга России. 2016. № 2. С. 131–140.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: МГУ, 1990.
3. Швачкина Л.А. Милосердие в индобрддийской и конфуцианско-даосистской культурных традициях. Шахты: ЮРГУЭС, 2009.
4. Швачкина Л.А. Идея гуманности в исламе // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 4. С. 95–105.
5. Воденко К.В. Павел Флоренский о соотношении философии и религии // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. № 3. С. 17–19.
6. Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда. Притчи. Трактаты. М., 1992; Льюис К.С. Просто христианство. Чикаго, 1990.

References

1. L.A. Shvachkina, E.Yu. Polozhenkova, M.A. Igosheva. Tsennostnyye izmeneniya sotsiokul'turnogo prostranstva Rossii v kontekste protsessov modernizatsii i globalizatsii // Gumanitariy Yuga Rossii. 2016. № 2. P. 131–140.
2. F. Nitsshe. Tak govoril Zaratustra. M.: MGU, 1990.
3. L.A. Shvachkina. Miloserdie v indobuddiyskoy i konfutsiansko-daosistskoy kul'turnykh traditsiyakh. Shakhty: YuRGUES, 2009.
4. L.A. Shvachkina. Ideya gumannosti v islame // Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov. 2010. № 4. P. 95–105.
5. K.V. Vodenko. Pavel Florenskiy o sootnoshenii filosofii i religii // Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2005. № 3. P. 17–19.
6. K.S. L'yuis. Lyubov'. Stradanie. Nadezhda. Pritchi. Traktaty. M., 1992; L'yuis K.S. Prosto khristianstvo. Chikago, 1990.

7. *Бонхёффер Д.* Сопротивление и покорность // Вопросы философии. 1989. № 11.

8. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М., 1992. 576 с.

9. *Гаврюшкин Н.К.* Вышеславцев Б.П. и его «философия сердца» // Вопросы философии. 1990. № 4.

10. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.

11. *Швачкина Л.А., Ершова И.Ф., Приходько О.Н.* Социальная работа как механизм реализации идеологии социального государства // Гуманитарий Юга России. 2016. № 1. С. 161–168.

12. *Александров А.* Личностно-ориентированные методы психотерапии. СПб.: Речь, 2000. 237 с.

13. *Швачкина Л.А.* Форма светской гуманности и практики милосердия в новейшее время: психотерапия // Вестник Московского государственного областного университета. Философские науки. 2011. № 2. С. 72–77.

7. *D. Bonkheffer.* Soprotivlenie i pokornost' // Voprosy filosofii. 1989. № 11.

8. *Shveytser A.* Blagogovenie pered zhizn'yu. M., 1992. 576 p.

9. *N.K. Gavryushkin.* Vysheslavtsev B.P. i ego «filosofiya serdtsa» // Voprosy filosofii. 1990. № 4.

10. *Zh.-P. Sartr.* Ekzistentsializm – eto gumanizm // Sumerki bogov. M.: Politizdat, 1989. P. 319–344.

11. *L.A. Shvachkina, I.F. Ershova, O.N. Prikhod'ko.* Sotsial'naya rabota kak mekhanizm realizatsii ideologii sotsial'nogo gosudarstva // Gumanitariy Yuga Rossii. 2016. № 1. P. 161–168.

12. *A. Aleksandrov.* Lichnostno-orientirovannye metody psikhoterapii. SPb.: Rech', 2000. 237 p.

13. *L.A. Shvachkina.* Forma svetskoy gumannosti i praktiki miloserdiya v noveyshee vremya: psikhoterapiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Filosofskie nauki. 2011. № 2. P. 72–77.

Поступила в редакцию

12 января 2017г.